Сергей ГУРИЕВ,
главный экономист, Европейский банк реконструкции и развития

«У глобализации есть много вызовов, но отказываться от нее бессмысленно»

В апреле главный экономист Европейского банка реконструкции и развития Сергей Гуриев выступил перед участниками VI Cbonds Emerging Markets Bond Conference в Лондоне. Перед началом своего выступления он встретился с главным редактором Cbonds Review. В интервью журналу бывший ректор Российской экономической школы (РЭШ), один из самых известных российских экономистов рассуждает о том, почему у изоляционизма нет будущего, какое экономическое наследство досталось президенту Трампу, что ждет Великобританию без Европейского союза и какие три ключевые проблемы важно решить российской экономике, чтобы вернуть экономический рост и не потерять международных инвесторов.

– В последнее время достаточно активно обсуждаются процессы деглобализации во всем мире. Какие самые серьезные риски они в себе несут?

– Самый серьезный риск — это риск замедления экономического роста, в первую очередь в развивающихся странах, которые очень много выиграли от глобализации, от участия в мировом разделении труда. Действительно, рост торговли замедлился, и об этом можно только сожалеть.

– Есть ли все же какие-то плюсы, связанные с изоляцией отдельных экономик?

– Плюсов нет, потому что если экономический рост замедляется, то процессы перераспределения, компенсации потерь тех, кто лишается рабочих мест, например, из-за технического прогресса, приводят к еще большему конфликту. Потому что когда вы распределяете растущий пирог, сделать это гораздо проще. Если размер пирога не увеличивается, экономический рост медленный или близок к нулю, то это так называемая игра с нулевой суммой. Конфликт неизбежен. Чтобы дать кому-то, нужно у кого-то отнять. Поэтому экономический рост так важен, чтобы можно было создать экономическую систему, от которой выигрывают все. К сожалению, сегодня у глобализации есть много вызовов, но отказываться от нее бессмысленно, потому что и глобализация, и технический прогресс — это то, что ускоряет темпы экономического роста, решает проблемы бедности и многие другие вызовы, которые стоят сегодня перед миром.

Summit
Summit
Summit

— Это значит, что рано или поздно на этот путь все же придется вернуться…

— Я не думаю, что придется вернуться. Я говорю о том, что хорошо для мировой экономики. Но это не означает, что политические лидеры и избиратели примут правильное решение.

— О политических решениях избирателей: одним из главных политических событий конца прошлого года стало избрание новым президентом США Дональда Трампа. От первого шока, который принесла эта новость, рынки уже оправились. А какими вы видите долгосрочные последствия для мировой экономики?

— Об этом все еще рано говорить. Рынки изначально поверили в то, что Трамп сможет реализовать свои предвыборные обещания, в первую очередь по снижению налогов, по дерегулированию, по стимулированию инфраструктурных инвестиций в Штатах. Инвесторы не считали вероятными торговые войны, изоляционистские экономические решения и так далее. Поэтому фондовые рынки очень сильно выросли после победы Трампа. Но сейчас наступает время, когда инвесторы начинают думать о том, что президенту Трампу, возможно, и не удастся реализовать в полной мере свою экономическую повестку. После того как не удалось отменить Акт о доступном здравоохранении (так называемый Obamacare), на рынках появились сомнения, что у президента получится осуществить налоговые реформы, ввести инфраструктурные стимулы и так далее. Сейчас рынки ждут, что случится дальше, и пока рано судить о долгосрочных последствиях.

— Чего ожидаете вы?

— Я думаю, что уровень неопределенности действительно очень высокий. Соединенные Штаты не являются страной операций ЕБРР, поэтому в сферу моей ответственности не входит прогнозирование того, что произойдет в США. Могу лишь сказать, что сегодня американская экономика находится в очень хорошем состоянии. В США есть огромные социальные проблемы, связанные с неравенством, с низким уровнем участия населения в экономической активности, которая заметно упала за последние 20 лет, с ростом смертности и стагнацией продолжительности жизни, с эпидемией опиоидов. Но с экономической точки зрения США находятся на уровне полной занятости (безработица ниже 5%), потребительские настроения на самом высоком уровне за последние 10–15 лет, экономика растет. В этом смысле можно сказать, что президенту Трампу досталось отличное экономическое наследство.

— Вопрос в том, как он им распорядится.

— Пока неясно.

— Какие основные проблемы предстоит решать Европе в ближайшие годы?

— Безусловно, много усилий уйдет на то, чтобы договориться об условиях выхода Великобритании из Европейского союза. Договоренности о выходе повлияют в первую очередь на экономику Великобритании, но и на экономику Евросоюза тоже. Для нас это особый повод для беспокойства, так как экономика западноевропейских стран влияет на все наши страны операций. Что касается повестки дня реформ, здесь есть полное согласие, что Европе нужно закончить построение единого Банковского союза, в том числе системы страхования депозитов и системы санирования банков. Эти меры еще не реализованы. Кроме того, я считаю, что очень важно сделать серьезные шаги в области создания единой системы страхования от безработицы. Эта система обсуждается, но пока никаких реальных действий нет. Естественно, крайне важно решить проблему беженцев и мигрантов, их экономической интеграции, охраны границ, безопасности и так далее. Но с экономической точки зрения ключевые задачи — это завершение строительства Банковского союза, решение проблемы безработицы, реализация реформ, направленных на повышение гибкости рынка труда.

— Результаты выборов в Европе вызывают у вас какие-то серьезные опасения?

— Комментирование политических процессов в странах — членах ЕБРР не входит в мои должностные обязанности. Безусловно, экономические планы у разных кандидатов сильно различаются, поэтому от результатов выборов, многое будет зависеть и в Евросоюзе в целом, и в наших странах операций в частности.

— Вернемся к вопросу выхода Великобритании из Европейского союза: как она теперь будет с этим жить?

— С экономической точки зрения выход Великобритании из Европейского союза — это решение, которое приведет к замедлению экономического роста. Надо понимать, что в мировой торговле отлично работает так называемый «закон гравитации». Страны

У РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЕСТЬ ТРИ ПРОБЛЕМЫ: ОТСУТСТВИЕ РЕФОРМ, НИЗКИ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ И ИЗОЛЯЦИЯ ОТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

торгуют в первую очередь со своими соседями. Несмотря на технический прогресс и снижение транспортных издержек, расстояние по-прежнему играет ключевую роль в мировой торговле. Поэтому Великобритания понесет существенные издержки от выхода из Евросоюза. Опять-таки есть огромная неопределенность с тем, как именно будут проходить переговоры. Если Великобритании удастся остаться членом единого рынка, что пока не входит в планы Соединенного Королевства, то потери будут гораздо ниже.

Великобритания пытается договориться о таможенном союзе в торговле товарами. Однако современная торговля — это не только торговля товарами, но еще и торговля услугами. Это означает в том числе и перемещение работников, а также стандарты регулирования, лицензирования и так далее. Если эти правила перестанут быть гармонизированы с торговыми партнерами, то у страны будут серьезные трудности. При этом Великобритания является открытой экономикой, которая глубоко интегрирована в европейский рынок, поэтому выход в любом случае будет сопровождаться серьезными потерями. С другой стороны, безусловно, Великобритания — это конкурентная рыночная экономика с высококвалифицированной рабочей силой. Не нужно думать, что для нее это станет катастрофой. Но замедления экономического роста не избежать.

— Вы не раз говорили о том, что Китай остается серьезной зоной риска. Может ли ситуация в китайской экономике спровоцировать большие проблемы для всего мира в краткосрочной перспективе?

— Все рынки с обеспокоенностью следят за тем, что происходит в Китае. У него очень высокий уровень долговой нагрузки, в стране очень высокие цены на жилье, никто до конца не понимает, как устроена так называемая теневая банковская система. Вопросов очень много. Китайское руководство говорит о структурных реформах в экономике, пока они ограничиваются сокращением мощностей в некоторых отраслях, в первую очередь в сталелитейной и угольной промышленности. О конкретных серьезных шагах по приватизации, изменению структуры управления госпредприятиями пока не заявлено. Вполне возможно, они будут предприняты в следующем году, после съезда Коммунистической партии Китая, который пройдет осенью и где будут приняты решения об изменениях в руководстве партии.

— Каков ваш прогноз по цене нефти в 2017 году?

— Мы считаем, что лучший прогноз по цене нефти — это сегодняшний уровень, состояние фьючерсных рынков, которые говорят о том, что цена на нефть будет оставаться примерно на сегодняшнем уровне. При этом существуют серьезные риски снижения цены, связанные как с отходом стран — участников ОПЕК от договоренностей, так и с резким расширением предложения в Америке, где есть инициативы американского президента по дерегулированию отрасли, по разрешению строительства трубопровода и экспорту нефти из Соединенных Штатов. Каждый год растет эффективность добычи сланцевой нефти, вполне возможно, что те скважины, которые раньше считались неприбыльными, теперь будут функционировать при цене $50 за баррель, а может быть, даже и при более низких ценах. С другой стороны, геополитические события, которые мы наблюдаем сегодня, могут привести к резкому обострению ситуации на Ближнем Востоке и повышению цен на нефть. Впрочем, трудно представить, как цена на нефть превысит, скажем, $70 за баррель, потому что при этой цене огромное количество скважин в Америке начнут добывать на полную мощность.

— А представить, что цена нефти опустится до $20–30 за баррель вы можете?

— Могу. Но основной наш прогноз — это сегодняшняя цена, $50–55.

— Вопрос цены нефти — один из главных именно для российской экономики. Как ЕБРР сейчас оценивает ситуацию в России?

— Рецессия в России закончилась. Есть разные точки зрения на то, когда именно это произошло, потому что Росстат только что пересмотрел методологию оценки ВВП. Тем не менее мы полагаем, что в 2017 году в России начнется экономический рост. Согласно нашему обновленному прогнозу, опубликованному в начале мая, рост составит составит 1.2%. При наличии структурных реформ Россия, конечно, могла бы расти более быстрыми темпами.

— Мы часто слышим про структурные реформы от российских чиновников и экономистов самого разного толка. Однако создается впечатление, что все давно забыли, о чем именно идет речь.

— Это действительно хорошее замечание. Экономисты, как правило, говорят о структурных реформах, не расшифровывая это понятие, потому что оно было описано много раз за последние десять лет. Это как в истории про то, как люди вместе ехали в поезде Москва—Владивосток, рассказали друг другу за время пути все анекдоты и в конце концов уже просто называли их номера, после чего начинали громко над ними смеяться.

Обращаясь к теме структурных реформ, можно вспомнить, например, статью Владимира Путина под названием «Нам нужна новая экономика», которую он написал в 2012 году для газеты «Ведомости». Или президентский указ № 596 от 7 мая 2012 года «О долгосрочной государственной экономической политике», где Путин описал ряд мер, которые могли бы привести к созданию 25 млн новых высокопроизводительных рабочих мест, к повышению производительности труда на 50% за текущий президентский срок. К сожалению, этого не произойдет, производительность труда в России за текущий президентский срок если и вырастет, то на однозначные числа процентов. Все эти меры много раз обсуждались, записывались в программы реформ, но эти программы, к сожалению, по разным причинам до сих пор не выполнены.

— Вы много общаетесь с иностранными инвесторами, как они сегодня воспринимают Россию и российские риски?

— Иностранные инвесторы отмечают хорошую макроэкономическую политику — как денежную, так и бюджетную. Инвесторы в инструменты с фиксированным доходом рады тому, что происходит в российской экономике. Конечно, они по-прежнему отмечают отсутствие реформ на уровне микроэкономики, для них это важный признак того, что российская экономика будет расти с темпом 1–2% в ближайшие годы. Естественно, они корректируют свои планы, ведь по сравнению с тем, что было десять или даже пять лет назад, когда экономический рост составлял 4% и прогнозировался на уровне 5–6%, ситуация существенно изменилась. Тогда Россия была гораздо более привлекательным рынком.

Тем не менее Россия — большая страна. Доходы здесь по мировым меркам не такие уж низкие. Это очень интересный рынок с самых разных точек зрения.

– Какова вероятность отмены санкций в отношении России в 2017–2018 годах? Можно ли говорить о смене риторики в отношении России по сравнению с тем, что было два года назад, к примеру?

– Я не могу комментировать такие вопросы, это не входит в мои должностные обязанности.

– Но вы согласны с точкой зрения, что внешнеполитические проблемы, в частности санкции, вовсе не являются основной причиной экономических трудностей, с которыми сегодня сталкивается Россия? Если предположить, что санкции будут отменены, что это действительно даст России?

– У российской экономики есть три ключевых проблемы: во-первых, отсутствие реформ и, соответственно, плохой инвестиционный и деловой климат, во-вторых, низкие по сравнению с тем, что было три года назад, цены на нефть и, в-третьих, изоляция от мировой экономики. Изоляция — это очень важный фактор в долгосрочной перспективе. Без доступа к современным технологиям, без сотрудничества с ведущими мировыми компаниями Россия не может развиваться, повышать производительность, не может провести модернизацию своей экономики. В краткосрочной перспективе санкции имеют значение с точки зрения ограничений для выхода на финансовые рынки. И это важная проблема, но не ключевая. Гораздо более серьезная проблема — это отсутствие реформ. Цены на нефть были тоже сильным шоком для российской экономики, но от падения цен на нефть российская экономика оправилась при помощи перехода к плавающему курсу рубля, политике, направленной на инфляционное таргетирование, а также при помощи резкого сокращения бюджетных расходов в реальном выражении. Сегодня низкие цены на нефть — это проблема, но это не то, что приведет к какому-то страшному кризису. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу, структурные реформы, деловой и инвестиционный климат — это и есть самая главная повестка дня для российской экономики.

– Последние два года вы давали достаточно мрачные прогнозы по ситуации с российским бюджетом. Сегодня ваше видение этой проблемы изменилось?

– При сегодняшних ценах на нефть бюджет, видимо, справится с текущими проблемами. Когда экономисты говорили о том, что у российского бюджета есть реальные проблемы, цены на нефть были ниже, кроме того, российский бюджет имел относительно большие расходы. Российское правительство (хорошо это или плохо) резко снизило бюджетные расходы в реальном выражении, не провело положенную по закону индексацию некоторых социальных расходов, сократило целый ряд расходов, в том числе на социальные нужды, на инфраструктурные инвестиции, даже на оборонку. Но в Резервном фонде деньги по-прежнему есть, в Фонде национального благосостояния деньги по-прежнему есть, относительно высокая цена на нефть помогает. Сегодня уже нельзя утверждать, что в ближайшее время произойдет исчерпание суверенных фондов.

– В России сейчас новая волна протестных движений. Как вы считаете, способны ли эти процессы привести к смене текущей экономической повестки и началу реформ?

– Российские чиновники действительно заявляют, что существует риск того, что без экономического роста, без роста доходов в России случится откат от нынешней экономической политики, переход к популистским мерам. Я не могу делать никаких заявлений на эту тему, это не в моей компетенции.

– Какой вы видите Россию после 2018 года?

– Это очень сложный вопрос. Я надеюсь на то, что будут реализованы планы реформ: сегодня в России есть целый ряд аналитических центров, которые опять пишут эти планы. Если они будут реализованы, Россия сможет расти более высокими темпами, чем 1–2%. Если этого не случится, в стране продолжится медленный рост, стагнация, что сделает невозможной модернизацию российской экономики, преодоление отставания от развитых стран и поставит под сомнение роль России в мировой экономике.

– Какие ошибки нынешнего экономического правительства вы считаете наиболее опасными в перспективе?

– Очень трудно разделять экономические и политические решения в России. Но безусловно, изоляция России от мировой экономики — это с долгосрочной точки зрения огромная проблема. Как и отсутствие реформ, плохой деловой и экономический климат. С другой стороны, иностранные инвесторы приятно удивлены тем, насколько последовательно власти, осуществляющие денежную политику, добиваются своих целей по снижению инфляции.

– Вы считаете, что цель снижения инфляции до уровня 4% достижима уже в 2017 году?

– Да, если очень захотеть. И пока мы видим, что денежные власти стремятся к этому. Но даже если в 2017 году инфляция будет между 4% и 5%, это все равно будет большое достижение. Если показатель 4% будет достигнут в 2017 году — отлично, если в 2018 году — тоже хорошо. То, что происходит сейчас, это на самом деле исторические события: в России никогда не было инфляции ниже чем 5%. При этом надо сказать, что и 4% — это не низкая инфляция, если вы посмотрите, например, на развитые страны. Для них 4% — это повод для беспокойства. И я думаю, что в долгосрочной перспективе целевые показатели для России должны быть в диапазоне 2–3%. Но и 4% — это огромное достижение.

– Даже на фоне остальных проблем в российской экономике?

– Это все связанные вещи. Если инфляция будет низкой, то будут в том числе и долгосрочные финансовые инструменты, более дешевые ипотечные кредиты, более дешевые и долгосрочные кредиты для предприятий. Инфляция — это не абстрактный показатель, это не фетиш, это ключевая составляющая инвестиционного климата. Мы видели, что когда в России в начале 2000-х годов наступила макроэкономическая стабилизация, в стране начался инвестиционный бум, экономический рост. И при этом инфляция все еще была высокая. Мы до сих пор не видим ликвидного рынка долгосрочных финансовых инструментов. В первую очередь это связано с огромной экономической неопределенностью, в том числе с неопределенностью в области денежной политики.

– Сейчас какая-то определенность появляется. Значит ли это, что у нас наконец появится ликвидный рынок долгосрочных финансовых инструментов?

– Это необходимое условие, но недостаточное. Есть политические риски, есть риски, связанные с резким изменением экономической политики. Чиновники, которые поддерживают курс на реформы, приводят именно такой аргумент: если не будет роста доходов, то нынешний курс не является устойчивым. Я не могу комментировать эти высказывания, но такие заявления много раз слышал. Более того, вы можете почитать текст выступления Владимира Путина 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». В нем он, в частности, сказал, что продолжение таких трендов в России (имея в виду стагнацию) может подвергнуть угрозе само существование страны.

– А если бы вам предложили пост министра экономического развития России и вы согласились, что было бы вашей главной задачей на новом посту?

– У меня отличная работа в Лондоне, и я не ищу новую, поэтому не могу ответить на этот вопрос (улыбается).

– Видите ли вы существенные риски, связанные с ситуацией в российском банковском секторе?

– В рамках нашей работы мы знаем слишком много и не хотели бы делать публичные заявления, которые могли бы привести к изменениям на рынках. В банковской системе в России есть несколько крупных игроков, и когда мы говорим о рисках, очевидно, речь заходит о конкретных банках. Называть имена я, к сожалению, не готов.

– Как вы оцениваете развитие финансового рынка в России: российский инвестор готов инвестировать в российские активы?

– На самом деле с точки зрения развития финансовой инфраструктуры в последние годы был пройден очень большой путь. Это касается и реформы законодательства, и работы Московской Биржи. Мы сейчас в этом в меньшей степени участвуем в связи с тем, что ЕБРР не проводит никаких новых операций в России. Но в целом, конечно, главная проблема для долгосрочного развития финансовых рынков — это доверие населения к экономической политике, в том числе в сфере снижения инфляции, повышения темпов экономического роста и так далее. Я думаю, что именно с доверием связан главный вопрос: поверит население в долгосрочные финансовые инструменты или нет?

– Это доверие, по-вашему, есть?

– Социологические опросы показывают невысокий уровень одобрения работы правительства.

– Летом будет год, как вы пришли в ЕБРР. Вы довольны своей работой здесь?

– Да, это очень интересная работа. Я узнал много нового и о странах операций ЕБРР, и о том, как функционирует международный финансовый институт. Надеюсь, что я тоже внес свой вклад в успешную работу Банка. В 2016 году ЕБРР подписал рекордный объем сделок, заработал рекордную прибыль. Это особенно важно с учетом того, что условия для работы сейчас очень сложные.

– Над чем именно вы сейчас работаете в Банке?

– У меня есть несколько функций в ЕБРР: я отвечаю за экономический анализ процессов в странах операций Банка, я отвечаю за исследования, кроме того, я отвечаю за определение так называемой transition concept — концепции устойчивой рыночной экономики. Это то, что определяет методологию оценки проектов Банка с точки зрения успеха перехода к рыночной экономике. Каждый проект в ЕБРР оценивается по трем критериям. Во-первых, это доходность с учетом риска. Второй критерий — additionality, это означает, что мы не заменяем, а дополняем частный сектор. Мы не беремся за сделки, которые мог бы сделать частный сектор без нашего участия. И третье — transition impact — то, насколько каждый проект поможет стране операций приблизиться к состоянию, которое мы называем «устойчивая рыночная экономика». Моя работа в Банке, в том числе, заключается в разработке методологии оценки проектов именно с точки зрения этого критерия. В ноябре 2016 года Банк принял новую концепцию устойчивой рыночной экономики, которая включает в себя шесть показателей. Это конкурентность рынка, качество управления (государственного и корпоративного), экологическая устойчивость, инклюзивность, устойчивость к внешним шокам (как финансовых, так и энергетических и продовольственных рынков) и, наконец, интегрированность экономики страны в глобальную экономику. Собственно, моя работа заключается, в частности, в разработке методоло-

ВЫХОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕВРОСОЮЗА НЕ СТАНЕТ ДЛЯ НЕЕ КАТАСТРОФОЙ, НО ЗАМЕДЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НЕ ИЗБЕЖАТЬ

ПРЕЗИДЕНТУ ТРАМПУ ДОСТАЛОСЬ ОТЛИЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

гии оценки потенциальных проектов, с тем чтобы ресурсы банка, его капитал, направлялись в те инвестиции, которые принесли бы нашим странам наибольшую пользу.

– С точки зрения этой методологии Россия не проходит практически ни по одному пункту…

– В России есть много проблем, но мы не делаем операции в России сейчас, поэтому я не могу вам точно ответить. Но из этих шести пунктов в России есть достижения по крайней мере по одному — по устойчивости финансовых рынков к внешним шокам. Переход на плавающий курс и инфляционное таргетирование, с нашей точки зрения, — это достижение.

– С точки зрения вашей методологии, какие рынки сейчас наиболее перспективны для ЕБРР?

– Это очень хороший вопрос, потому что в рынках, которые добились наибольших успехов, наша роль естественным образом сокращается. Есть, наоборот, страны, в которых существует очень много проблем по всем показателям. Внутри ЕБРР существует ранжирование стран по всем шести показателям. Там нет никаких сюрпризов. Действительно, есть страны, в которых не все в порядке с институтами государственного корпоративного управления, вы легко их можете назвать. Есть страны, которые находятся на уровне западноевропейских или даже превышают их показатели.

– Вы перечислили три критерия, по которым ЕБРР оценивает потенциальные проекты. Один из них — доходность. Какая доходность сегодня нужна, чтобы банк пошел в проект?

– Эти цифры содержатся в Годовом отчете Банка, который будет опубликован в мае. Это рыночная доходность с учетом риска, поэтому на некоторых рынках речь идет о двузначных величинах. Но надо понимать, что у ЕБРР долгосрочный горизонт инвестирования. Есть партнеры, которые работают с нами несмотря на высокие процентные ставки, потому что мы даем длинные деньги. Кроме того, ЕБРР — это не только банк, это еще и инвестор в акции. У нас есть большое количество инвестиций в акционерный капитал — как прямых, так и через фонды прямых инвестиций. ЕБРР — инвестор в более чем 100 фондов прямых инвестиций. Более того, у Банка есть свой фонд — Equity Participation Fund, которым мы управляем в интересах в том числе и сторонних инвесторов. Объемы инвестиций в акционерный капитал довольно существенные: мы говорим о миллиардах долларов.

– Вы сейчас продолжаете заниматься научной работой? Какова сейчас сфера ваших научных интересов?

– Мы работаем над самыми разными вопросами. В частности, над тем, с чего мы начали разговор: это вопросы деглобализации, вопросы того, насколько неравенство приводит к изменениям в экономической политике, росту популизма. Эти исследования мы проводим не только для стран операций Банка, но и для всего мира, чтобы понять, как наши страны соотносятся с другими развивающимися странами. Мы смотрим, например, на то, как переход к рынку повлиял на неравенство, на уровень доходов, на уровень удовлетворенности жизнью, даже на физические показатели людей. Когда я был последний раз в Москве, то представлял ежегодный Transition Report. Так вот, в этом исследовании мы даже анализировали показатели физического роста людей. Оказалось, что люди, которые родились в период начала реформ в наших странах операций и сейчас достигли своего взрослого роста, в среднем на 1 см ниже, чем люди, которые родились до или после них. Это очень важный показатель, потому что ваш рост во взрослом возрасте — это последствие того, насколько тяжелыми для вас были первые два года жизни. Это означает, что реформы были серьезным испытанием для жителей наших стран. Особенно это касается людей, которые выросли в семьях с более низкими доходами, с более низким уровнем образования. Тем не менее есть и оптимистичные данные, которые связаны с тем, что люди, которые родились во время реформ, не являются более несчастными. Они в большей степени удовлетворены жизнью, чем люди, которые родились до реформ. И это связано с теми возможностями, которые реформы в конце концов открыли для наших стран.

– Вам нравится жить в Лондоне? Насколько комфортный он для вас по сравнению с Москвой или Парижем, например?

– У меня здесь интересная работа, Лондон — очень открытый город, в том числе для иностранцев. Поэтому я не чувствую здесь никакого дискомфорта.

– По Москве не скучаете?

– Это личный вопрос с политическим оттенком, такие вопросы я не комментирую (*смеется*).

Беседовала **Антонина ТЕР-АСТВАЦАТУРОВА**